

Женщины русских селений. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ulitskaya@ludmila.ru/> приятного чтения!

Женщины русских селений. Людмила Евгеньевна Улицкая

Стол был накрыт с роскошью бедняков: вся еда, приготовленная без соприкосновения с руками человека, была куплена в Зейбарс, в дорогой кулинарии на 81-й, приволочена Верой на своем горбу через весь Нью-Йорк в Квинс и разложена наспех в простецкие китайские плоски. Еды оказалось вдвое больше, чем нужно для трех стремящихся к похуданию женщин, а выпивки – на пятерых пьющих мужиков, которых как раз и не было

Обилие выпивки образовалось случайно: хозяйка дома Вера выставила от себя водки обыкновенной, без затей, и еще одна стояла в шкафчике, и обе гости принесли по бутылке: Марго – голландский Cherry, а Эмма, москвичка командировочная, – поддельный Наполеон, приобретенный в гастрономе на Смоленской для особо торжественного случая. Он и представился, этот случай, выпала эта безумная командировка, о которой она и мечтать не мечтала

Теперь Марго с Эммой сидели перед накрытым Верой столом, а сама хозяйка вышла погулять с Шариком, который долго терпеть от старости не мог, а гадить в доме от благородства не смел, и потому жестоко страдал от внутреннего конфликта. Сидели молча перед накрытым столом и ждали самое Веру, с которой Марго была очень дружна в американской жизни. Между собой Вера с Эммой были знакомы заочно. Благодаря Маргошиной болтливости, многое друг о друге знали, но увиделись в этот вечер первый раз. Со вчерашнего вечера между Марго и Эммой пробежала какая-то давняя кошка, и Эмма старалась вспомнить теперь, почему она от Маргоши в давние московские времена иногда отдалялась, а потом снова к ней возвращалась, как к старому любовнику.

Остановилась Эмма не в гостинице, а у Маргоши, с которой не виделась ровнешенько десять лет. Родились они в одном месяце, жили в одном московском дворе и учились в одном классе, и до тридцати лет расставались разве что на несколько дней, а потом непременно вываливали друг дружке во всех подробностях все свои приключения за истекший период. В один год родившиеся дети сблизили их еще более – уложив детей, встречались на Эмминой кухне, выкуривали по пачке "Явы", исповедали друг другу привычно все мысли и дела, грехи вольные и невольные, и расходились, очищенные, сытые разговором, в третьем часу ночи, когда спать оставалось меньше пяти часов.

Теперь, после десятилетней разлуки, они вцепились друг в друга и испытали такое счастье взаимопонимания, какое знакомо лишь музыкантам в хорошей джазовой сессии, когда каждый поворот темы наперед чувствуешь специальным органом, всем прочим людям не предоставленным. События жизни все были известны: переписывались хоть и не часто, но регулярно. Однако много оставалось такого, чего в письме не напишешь, что понимается только с голоса, с улыбки, с интонации. Марго три года как развелась со своим алкоголиком, Веником Говеным, как она его называла, и проживала теперь эпоху выхода из тьмы египетской. Пустыня, в которую она теперь попала, предоставляла ей неограниченную свободу, но счастливой она себя не чувствовала, потому что место, которое прежде занимал Веник со своими пустыми бутылками в портфеле, в гардеробе, среди детских игрушек, с грубостью пьяного секса, с воровством семейных денег – детских, квартирных, каких угодно, – это пустое место проросло ужасными ссорами со старшим шестнадцатилетним Гришкой и полным отчуждением девятилетнего Давида. И все это она объясняла Эмке, а Эмка только квакала, качала головой, вздыхала и, практической пользы не принося, так страстно сочувствовала, что Маргоше как будто становилось легче. А потом Эмма хвалила ее за успехи в эмигрантской жизни, за великие подвиги, которые Марго действительно совершила, подтвердив свой диплом и уцепив скромную золотую рыбку в виде должности ассистента в частной онкологической клинике, с хорошей перспективой получить собственную лицензию и так далее... Долго объяснять.

Первые три дня, вернее, вечера, поскольку днем подруги разбегались по своим рабочим делам, были посвящены, главным образом, разбору полетов Веника Говеного, и Эмма только диву давалась, почему это отсутствие мужа совершенно равно его присутствию. Казалось бы, промучилась столько лет с плохим человеком, к тому же и алкоголиком, боялась развода, как полагается восточной женщине, набралась куража, развелась – и живи себе спокойно. Нет, теперь страдает, зачем так долго страдала... И так же долго, с подробностями, все это излагает... Но настал

Женщины русских селений. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
вечер, когда Марго наконец спросила у Эммы:

- А твои-то дела как? Что там у тебя с твоим героем? - И в голосе почудился искренний интерес.

- Все, - вздохнула Эмма. - Рассталась. Окончательно. Начинаю новую жизнь.

- Давно? - встrepенулась Марго, которая старую жизнь уже закончила, но новая все никак не начиналась.

- За день до отъезда. Восемнадцатого.

И она подробно рассказала, как встретилась с Гошей последний раз. Как пришла к нему в мастерскую, всю заставленную из железа скрученными людьми, такими трагическими, понимаешь, как будто заблудившимися в материале, случайно ожили не в теле, а в жестком металле, и страдают от своего ржавого несовершенства...

- Ты меня понимаешь?

- Вроде да. Так и что? Встретились...

- Тупик. Мы попали в тупик, и деваться некуда. Его дебилка жена, беспомощная дура, дочка одна больная, вторая просто психопатка, деваться ему от них некуда, а я только усугубляю все... И от наших отношений всем только хуже. Да и пьет-то он от безвыходности...

Марго смотрела на Эмму своим армяно-азербайджанским взором, и легкий испуг превращался в тихое отвращение, пока не прорвался непристойным вопросом:

- Эм, а ты с ним, с пьяным, спишь?

- Маргоша, да я его трезвым за восемь лет, может, два раза видела. Он трезвым никогда не бывает.

- Бедная, - зажмурила свои преувеличенные очи Марго, - я тебя понимаю...

- Не понимаешь, не понимаешь, - замотала головой Эмма. - Он потрясающий, и не важно, пьяный, трезвый. Он - то, что нужно каждой женщине. Он мужчина до мозга костей. Он просто попал в ужасное положение. И меня туда завел, в это ужасное положение. Он ни в чем передо мной не виноват. Обстоятельства... Но я уже все, решилась. Я выскочу. Я не должна ему мешать, он творческий, он особенный. Совсем не похож на инженерское быдло. У него весь мир другой. Конечно, я никого даже близко на него похожего не встречу, это ясно. Но он у меня был, это кусок моей жизни, целых восемь лет, и этого никто у меня не отнимет. Это - мое.

- А ты почему думаешь, что ты с ним навсегда рассталась? Ты мне три раза уже писала, что ты с ним порвала. И всякий раз - снова. У меня все письма твои хранятся, - невеликодушно напомнила Марго.

- Знаешь, я раньше только о том думала, как ему лучше. А теперь я посмотрела на это с другой стороны - о себе подумала. Теперь - ради моей жизни. Мне сорок исполнилось...

- Это я знаю, и мне, - заметила Марго.

- Так вот, самое время начать новую жизнь. Мы расстались - по моему сценарию, понимаешь? Это я выбрала время и место. И мы провели нашу последнюю ночь... Которую я никогда не забуду. Потому что это выходит за пределы того, что обыкновенно происходит в сексе. Это - за пределом. Перед лицом неба. И эти железные люди, которых он сковал, они как свидетели... Ты себе не представляешь, что это значит - жить с художником...

- Не, не представляю. Венька - программист. Правда, очень хороший. Он совершенно не возвышенный ты его знаешь. Он эгоист распоследний и, кроме компьютера и водки, ни в чем не нуждается. Ты, Эмка, всегда была необыкновенная, и любовники у тебя необыкновенные. Венгр какой был! Как его, красавец?

- Иштван.

Женщины русских селений. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru

- Да и муж твой, Санек, какой приличный был. Ты себе еще найдешь и замуж выйдешь. А я... - Марго засунула большие пальцы под лифчик, приподняла свое цветущее, но слегка поникшее хозяйство. - При всем при том, - Она встала, повернулась, покачала боками, чтобы весь чудесный ее кувшин грудь, тонкую талию, убедительный крутой разворот крупа - подтвердить, - и на хер никому не нужно! За всю жизнь ни с кем, кроме Веника Говеного, не переспала. С восемнадцати лет. Объясни мне, Эммочка, почему так получается: роста у тебя нет, сисек на второй номер не соберешь, ноги, извини, кривые, почему у тебя всегда навалом любовников?

Эмка засмеялась добродушно, нисколько не обидевшись:

- За что, Маргоша, тебя люблю - за искренность. Хотя ответить могу да я тебе это давно говорила. Армяно-азербайджанский конфликт. Ты его разреши сама в себе - ты женщина восточная или западная? Если восточная не разводишься с мужем, а если западная - заведи любовника и не делай из этого проблемы.

Марго неожиданно обиделась:

- Да я же всю твою семью знаю, и маму, и бабушку, чем твои еврейки лучше моей армянской мамы? Чем это вы западные?

- Западная женщина себя уважает. Помнишь мою бабушку?

Марго, конечно, помнила. Уж да, важная была старуха Цецилия Соломоновна. Царица. Но ноги, между прочим, тоже кривые были. Может, правда, западная?

На этой вздорной ноте Марго собрала со стола посуду, вздохнула, взглянув на часы, потому что, как в московские времена, шел третий час, а вставать было в семь - и разошлись спать по комнатам. Марго в спальню, а Эмма в гостиную, где был новый гостевой диван, купленный после ухода Веника, когда денег в доме стало, как после большого выигрыша в лотерею.

Вера вошла - розовая, с молодым морщинистым лицом и плохо выкрашенными волосами. За ней - Шарик, вразвалку, по-старчески, и сел слева от Вериного кресла с лицемерным безразличием к накрытому столу.

"Вот парочка, не скрывающая своего возраста", - подумала Эмма с симпатией

Вера плюхнулась в плетеное кресло, оно тонко пискнуло. Протянула руку за бутылкой.

- Дата неровная, но я все считаю по месяцам: сегодня семнадцать месяцев, как Мишка умер.

Она разлила, не спрашивая, водку по стопкам, и Эмма отметила, что стопки московские, хрустальные, сталинских времен.

- Царствие Небесное, Мишенька! - радостно воскликнула Вера и опрокинула стопку. Потом вздохнула: -Полтора года. Как будто вчера.

Взяла с блюда кусок копченой индейки, бросила собаке:

- Лопай, Шарик, это чистый яд для тебя.

Собака оценила хозяйский жест и, разрываясь между двумя острыми желаниями - немедленно благодарственно лизнуть руку и немедленно же проглотить загорелый кусок божественного вкуса, - заметалась. Сложный был у Шарика характер.

- Нахремся сейчас - мечтательно произнесла хозяйка - Давайте, давайте, девочки! С тех пор как Мишки не стало, я, кажется, ни разу не готовила еды. Все в забегаловках. Марго! Ну, что ли?

И то ли оттого, что действительно проголодались, то ли оттого, что собака страстно стонала над индейской косточкой, набросились на еду, забыв о приличиях, вилках и паузах. Жор какой-то нашел. Даже и не похваливали еду, молча и яростно жевали, подкладывали, подливали, и Шарик под столом оживился - ему тоже

Женщины русских селений. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru подбрасывали. И все было такое вкусное – и рыба красная, и салаты, и пироги, и паштет... И вкус еды неамериканский. О чем Марго и сказала. Вера засмеялась:

– Неамериканский, конечно! Еврейский вкус у этой еды. Этот магазин, Зайбарс, еврейский. Мы с Мишкой его облюбовали сразу, как приехали. Дорогущий был. Денег тогда не было, мы по сто граммов покупали – форшмак, паштет, и хлеба черного в те времена в Америке еще не было, только у них. Здесь, в Америке, евреев из России называют русскими, зато русские, как я, отчаянно жидовеют, – засмеялась Вера, обращаясь к Эмме, которая местных условий не знала. – Бедная моя бабка накануне свадьбы умерла, боюсь, от горя, что любимая внучка выходит за еврея... А мамочка все говорила:

– И пусть, что еврей, зато хоть один зять непьющий будет!

И Вера захохотала звонко, и морщины просто в два букета собрались – на одной щеке и на другой, и – удивительное дело! – от них она еще больше помолодела.

– Сильно пил? – спросила Эмма. Вопрос этот ее глубоко занимал.

– Пил, как еще, – сморщилась Марго.

– Ох, да как пил! – Вера повернула свое улыбающееся лицо к большому портрету покойного мужа. Портрет был раздут со старой послевоенной фотографии. Качество неважное. Молодой солдат, с косым кудрявым чубом из-под пилотки, с папироской в углу рта. – Хорош, да? Всем был хорош. И пил хорошо. От цирроза печени он умер, Эммочка.

Марго положила свою большеволосую голову на мраморную с прожилками руку. Она была богиня, натуральная богиня, с римским носом, из лба растущим, нечеловеческого размера глазами и большими губами, наподобие лука изогнутыми:

– Верочка, Миша твой, конечно, был человек прекрасный, обаятельный, и вообще – личность выдающаяся. Но ведь ты же мучилась как с ним, из-за пьянства этого. Я-то знаю! Чего же хорошего в питье может быть? Ведь потеря человеческого образа! Нет, разве?

А Вера отставила пустую бутылку водки, незаметно как-то она пролетела, достала вторую, и все с той же улыбкой:

– Глупости какие! Пьянство освобождает... Когда человек хороший, он пьяным только лучше делается, а если говно, то говнеет. Поверь моему слову, уж я-то знаю! Погоди-ка! Чего-то мне не хватает! – и Вера вскочила, покопалась на какой-то полке, достала кассету, включила. Голос вкрадчивый и убедительный пропел-проговорил: самогона взял ноль восемь, косхалвы, пару рижского и керченскую сельдь...

– Мишка любил его... Событьники были, друзья...

Но никто бедной гитары этой не слушал, и голос из прошлого висел в воздухе, а говорили о своем. И пили: Вера – водку, Эмма – фальшивый коньяк, а Марго – всего понемногу, мешая.

И, странное дело, постепенно менялись, все в разные стороны: Вера веселела, шла на подъем, Марго мрачнела, сердилась и как будто раздражалась, что это Верка так радуется, а Эмма смотрела на них, и ей казалось, что сейчас узнает она что-то важное, что поможет начать новую жизнь. И слушала во все уши, больше помалкивая. Тем более, что алкоголь ее сегодня не очень брал.

– А, что ни говори! – Вера сделала рукой русский размашистый жест, как будто собиралась "Барыню" танцевать. – В России все самые талантливые, все самые лучшие люди испокон веку – пьяницы! Петр Первый! Пушкин! Достоевский! Мусоргский! Андрей Платонов! Венечка Ерофеев! Гагарин! Мишка мой!

Марго выпучилась:

– Да Мишка-то твой причем, Вера? Ну пусть Гагарин, черте ним! Но Мишка, Мишка-то?

Женщины русских селений. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Вера вдруг сникла, посерьезнела, сказала тихо:

- Так он и был из лучших людей в России... Честный...

Но Маргошу несло, не остановишь:

- А Петр Первый причем? Сумасшедший был! Сифилитик! Ладно, хоть император! Но Мишка твой вообще еврей! И чем он честный? Чем? Сколько ты из-за него говна скушала? Честный!

Марго теперь уже обращалась не к Верке, а к Эмке:

- Честный он! Слышать не могу! Сколько она абортот от него сделала, от честного? Сколько баб он успевал оприходовать, пока ты по абортариям корячилась? Да среди подруг ни одной не было, чтоб он не потыкал. Тьфу!

- Ну к тебе-то не приставал? - фыркнула Вера.

- Да почему ж не приставал? Ко всем приставал, а ко мне нет? Только ему у меня не обломилось! - гордо отрезала Марго.

- Ну и дура! Переспала бы с Мишкой, может, и с Венником получше бы пошло!

- Перестань. Мой Венник Говеный, но и твой Мишка тоже не далеко ушел. Старый бабник!

Шарик встал с трудом, подошел к Марго, вяло гавкнул. Верка захохотала:

- Девочки! Маргоша! Эммочка! При Шарике Мишку ругать нельзя. Загрызет!

Шарик понял, что его похвалили, подошел к хозяйке, раскрыл черную на малиновой подкладке пасть, ожидая награды. Вера кинула кусок французского сыра.

Марго, угасив ярость крови, выпила рюмку коньяку:

- Мне, Вер, обидно, он что хотел делал, изменял направо-налево, а ты его любила, все прощала. Я бы его убила! Если у меня муж, я его люблю, а он мне изменит, я его зарезу к чертям собачьим!

Неужели в Америке, в другом свете, в городе Нью-Йорке, в одна тысяча девятьсот девяностом году происходит глупейший этот разговор, бабий, кухонный, того и гляди до драки дойдет, - изумлялась Эмма, разглядывая старую свою подружку, которая почти не изменилась. Кем Марго была, тем и осталась - армянкой с азербайджанской фамилией, из-за которой армянская родня всю жизнь на нее косо смотрела. А отец, Гуссейнов Зарик, разбился в горах, когда Марго было всего шесть месяцев... Никуда не денешься, паспорт американский, а мозги все равно кавказские: всех накормит, все раздаст, а не поздравь ее с днем рождения, такой скандал поднимет, что до следующего года не забудешь... За-ре-жу!

- Марго, ты ничего не понимаешь! Дело только в тебе самой! Ты просто не умеешь любить! А когда любишь, то все прощаешь... Все-все...

- Но не до такой же степени! - взвизгнула Марго, встряхнула симметричными кудрями. - Не до такой!

Вера налила водки в стакан для воды, неполный, половину. В задумчивости держала его, смотрела на портрет наискосок от нее, и вроде как на нее обращен взгляд молодого Мишки, с послевоенным чубом - таким она его не знала, позже познакомилась - от послевоенной, второй жены увела для своего, как казалось, одиночного употребления. И ошиблась, ой, как ошиблась! Он и к военной жене Зинке бегал, о чем она знала, и к послевоенной, Шурочке, и еще к одной... Она смотрела светлым взглядом на портрет, на Марго...

- Дурочка ты. Послушай. Я Мишку любила всеми своими силами, и телом, и душой. И он меня любил. Ты даже не понимаешь, как мы любили друг друга. Трезвыми любили и пьяными. И особенно - пьяными. Он был великий любовник. Он мне не изменял, он просто спал с другими бабами. И я его совершенно не ревновала. Ну, почти не ревновала, - поправились она. - Только в молодые годы, пока не понимала... У

Женщины русских селений. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru него был талант любить. А когда этот цирроз на него накинута, тут уж мы любили друг друга совсем без памяти, потому что времени почти не оставалось... Мы знали оба... Девчонка у него завелась в больнице, медсестра, влюбилась в него напоследок. А, да я все знаю, он и не скрывал. Переспал с ней. Потом говорит: нет, больше не хочу никого. Времени мало, выписывай меня, дома буду умирать. С тобой. И трахались – до слез. Он все говорил: какой я счастливый – с семнадцати лет на фронте, с сорок третьего года – и выжил. Провоевал всю войну – никого не убил. В ремчасти был, танки ремонтировал... Бабы всегда любили. Сел в сорок девятом, из института взяли – вышел живой. И опять бабы любили. И ты, радость моя... так говорил – радость моя! И ты, радость моя, меня полюбила. Молодая, девчоночка совсем, вцепилась в старого козла, своего не упустила, умница... Дай, говорит, быстренько створочки потрогать... а коленочки какие, а плечики какие, не знаю, за что вперед хвататься. . За два дня до смерти говорил... А мне-то уже за полтинник перевалило! Какие плечики, какие коленочки, ничего такого уж нет... Дура, дура ты, Марго, все ты проворонила, ничего не видела... Любить ты не умеешь, вот что, вот она, беда твоя. И Веник твой ни при чем! Ему не повезло, твоему Веннику. Может, другая баба его полюбила бы и любить научила... Да что ты за баба, ботва одна...

Марго заплакала, сраженная пьяной правдой. Может... да? В ней дело было? Может, Веник и не пил бы, если б она его так любила, как Верка своего Мишку? Может, пил бы, но ее, Марго, страшно любил... И не было бы этого стыда и срама пьяных соитий, когда лежишь, исполненная ненависти, а на тебе девяносто килограмм дергаются, по сухому бьют, как на кол насаживают, и грудь в синяках, как после побоев, бурые следы потом год проходили. И вонь перегарная, и запах низа, от которого тошнота подкатывает, и качает, как в трюме, и только бы до сортира добежать, чтобы выbleвать все в его сияющее белое нутро... Что? Мало? Еще тебе? Убери свой дрын ненасытный! Куда? Еще чего?

И Эмка тоже заплакала: что же она наделала? Гошенька! Я люблю тебя, как никого не любила! Как никто никого никогда... Нет, нет, не хочу никакой новой жизни. Пусть будет эта, с вечно пьяным Гошей, с ежедневным отчаянием, с тревогой, с ночными поездками туда-сюда, скорой помощью, со спасительной утренней четвертинкой, с горячим пирогом, в газеты укутанным. И с презрительным взглядом дочки: опять понеслась? И все – без надежды на какую-то нормальную жизнь, все – без отдачи, то есть без признания, без благодарности, безо всякого расчета, просто отдаешь – и все!

– Просто отдаешь – и все! И не думаешь, что тебе взамен этого дадут!
– декламировала Вера, сияя пьяным светом и утробной бабьей мудростью. И разливала по стаканам, а не по стопочкам хрустальным. И прикуривала одну от другой, и заталкивала недокуренную сигарету в огромную пепельницу, пригодную больше для общественной курилки, чем для домашних нужд одинокой вдовы. Погасила сигарету, встала во весь большой рост, покачнулась, схватилась за край стола, и стол покачнулся, но не упал. Удержалась. И пошла, скользя по полу, как по катку, хохоча, придерживаясь за стену, в уборную.

– Напилась Верка, – прокомментировала Марго, и немедленно из ванной раздался грохот и громкое восклицание: упало сразу несколько предметов, среди них один – крупный. Маргоша и Эмма вскочили – бежать на помощь, но как-то не побежалось. Они наткнулись друг на друга, сдержав неуместный бег, и неверно пошли в ванную комнату. Там, на полу, барахталась Верка, растирая знаменитую коленку и приговаривая:

– Вечно разбросают тут тряпок на полу, потом спотыкаешься... Маргоша, ну что ты, как корова, ей-богу, все флаконы мои перебила.

На полу и правда посверкивали мокрые стекляшки, и пахло духами, мощными, как противотанковый снаряд...

Верку подобрали с полу. Она немного буйнила, но весело, и все требовала еще чуть-чуть добавить. Но бутылки все были пустыми – и обе водки, и коньяк, и ликер, и неизвестно откуда взявшаяся бутылка французского вина, которую выпили, не заметив ее выдающейся этикетки...

– Надо сделать обыск! У Мишки всегда было спрятано... В Москве, перед отъездом, гебешники делали обыск, так они бутылок спрятанных нашли больше, чем книг...

Женщины русских селений. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Вера открыла все ящики письменного стола:

- Правда, здесь я все обыскала уже не по разу... Но есть же где-нибудь! Мишенька! Ау! - обратилась она к портрету мужа, воздев длинные, слегка обвисшие в плечах руки.

Потом встала на колени, но не перед портретом, а перед книжным шкафом, отодвинула стекло и начала с нижней полки вытаскивать книги ползущими стопками. Оголила нижнюю полку - ничего там не было.

Эмма с Маргошей стояли, упершись друг в друга, как два склоненных друг к другу дерева, толстое и тонкое. Маргошу обуяла икота.

- Попить надо, - посоветовала Эмма.

- Да я ищу. Должно же быть где-то, - Вера лежала на полу, на спине, и сбрасывала книги ногой, уже со второй полки снизу. Одна книжка распалась надвое и звякнула. Книжкой она только прикидывалась, это была одна обложка, а в ней стояла бутылка, початая бутылка водки.

Вера схватила ее, прижала к груди:

- Мишенька! Дружок ты мой верный! От меня прятал! Да чего от меня прятать-то? Вот она я!

И они разлили эту последнюю водку, от Мишеньки привет, и больше пить уже не могли. Совершенно не могли. Потому что полны были алкоголем до самого края, до верхнего предела женской возможности. Верка, перед тем как отключиться, велела отвести ее в Мишкин кабинет и, пока ее вели туда, совершала свои последние пьяные признания, а может, и не признания, а только мечтания:

- А меня на кушеточку, к Мишеньке в кабинет. А я себе кавалера завела, пуэрториканского паренька, справный такой. Так я его непременно на эту кушеточку заваливаю. Здесь Мишкой пахнет. А Мишка смотрит, как он меня... тридцать пять лет ему, молодой... как он меня дерет... Мишка радуется... Радуйся, говорит, моя радость, радуйся! Вот какой говорит...

Маргоша потом долго вспоминала, говорила Верка про пуэрториканского любовника или по пьяному делу причудилось...

Верку взвалили на кушетку. Шарик, давно уже здесь храпевший, недовольно подвинулся, и Маргоша с Эммой отправились в спальню, где еще до начала праздника расстелена была для них супружеская постель, широкая, как Веркина русская душа, и такая же мягкая...

Марго, последняя порядочная женщина на континенте, которая еще носила кружевную комбинацию, целомудренно вытащив из-под нее лифчик, плюхнулась в ностальгическую перину, эмигрировавшую вместе с Веркой из московского пригорода, из Томилина, где и по сей день на таких же перинах спали Веркина мамаша и две старшие сестры. Эмма сняла с себя все, голая скользнула под простыню, и тотчас же все закачалось и начало проваливаться то в одну сторону, то в другую...

- Ой, как плохо, - простонала она.

- А кому хорошо? - отозвалась Маргоша. - Главное, ты не засыпай, пока не пройдет. Бедный Веник, неужели ему каждый день вот так плохо было?

- Еще хуже, - прошептала Эмма. - Утром всегда еще хуже, чем вечером. Бедный Гоша...

На Маргошу напала вдруг такая неизъяснимая нежность, непонятно даже к кому, чуть ли не к Веннику Говену, и она шмыгнула носом, потому что слезы готовы были поползти, и обняла Эмму за худую спину. Она была тонка, как рыбка, и такая же гладкая, только не мокрая, а, наоборот, сухая, как печенье, и скользила под рукой. И Маргоша начала гладить ее, сначала по спинке, потом немного по плечам, и на нее наплыла такая горячая, такая сильная волна, и понесла ее в неизведанном направлении... Эмма только стонала, все "ой" да "ой", но лежала тихонько, совсем не двигаясь, а Маргоша, приподнявшись, гладила по незначительной груди и

Женщины русских селений. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru дивилась, почему так прелестно ее трогать, как будто все это подростковое тело только для глажки и сделано. Она приложилась губами к ее шее, и кожа ее пахла не взрывными Веркиными духами, от которых по всей квартире стоял смрад, как от горелого молока, а чем-то таким, от чего дух захватывает до самой сердцевины. Ну да, именно до сердцевины. И Маргоша чувствовала, как будто внутри живота у нее распускается какой-то цветок и стремится к Эмке, и она плавилась от наслаждения, и прикоснулась к Эмкиной груди сначала губами, а потом пальцами нежно, около кнопки соска...

А Эмка стонала, плыла неизвестно где, и желудок ее качался отдельно, и очень хотелось блевать, но для этого надо было остановиться, сделать какое-то усилие, но качка была такая сильная – не остановишь... А что чьи-то руки ее гладили, она не чувствовала, все ощущения сосредоточились в желудке и немного в горле...

А цветок Маргошин набухал и готов был вот-вот раскрыться, она прижалась животом к Эмкиному боку, а пальцы ее наслаждались прикосновением к плотной Эмкиной груди... такая плотная железа... нижняя доля пальпируется... и тяж вверх к соску... и слева – второй... уплотнение, и еще одно... классическая картина.... канцер! Можно без биопсии – на стол. Маргошу подбросило.

– Эмка! – заорала она. – Эмка, вставай! Вставай немедленно!

Хмель слетел, как не бывало. Все слетело... Она стояла в желтой кружевной комбинации, с обвисшими и совершенно здоровыми грудями, маммографию два раза в год делала, как цивилизованная женщина, подхватила Эмку под мышки, устанавливала ее на тряпичные ноги, трясла и продолжала орать:

– Да стой ты, чертова кукла! Ровно стой! Руки разведи вот так! Да подмышки мне твои нужны, а не локти! Плечо держи!

И цепкими пальцами впивалась в сухую подмышечную впадину, влезала в самую глубину – лимфатическая железа слева была уплотнена, увеличена, но не очень сильно. Справа железа была спокойная. Нажала на левый сосок.

– Ой! – отозвалась Эмма.

– Больно?

– А ты думала... – буркнула Эмка и завалилась на кровать.

Пальцы у Маргоши стали влажными.

– Слушай, у тебя выделения из соска давно?

– Отстань, меня и так тошнит. Дай попить.

Маргоша поволокла ее в ванную. Эмму вырвало. Потом она пописала. Потом Марго закинула ее под холодный душ. Сегодня в клинике дежурил Мортон, самый лучший из врачей. Старик опытный и симпатяга. Повезло.

Марго вытащила Эмку из-под душа. Та смотрела совершенно осмысленно.

– Быстро собирайся, едем ко мне в клинику.

– Маргоша, ты с ума сошла, что ли? Никуда не поеду. У меня сегодня выходной.

– У меня тоже. Быстро собирайся. У тебя в молочной железе черт-те что. Срочно надо проверить.

Эмка сразу все поняла. Сдернула с вешалки полотенце, вытерлась насухо. Потыкала пальцем в левую грудь.

– Здесь? – Маргоша кивнула.

– Чайник поставь и не пори горячки. Как ты думаешь, если я в Москву позвоню, это очень дорого?

– Звони. Знаешь, как набирать?

Женщины русских селений. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya1udmila.ru

Марго принесла трубку. Эмма набрала код, потом московский номер. Гоша долго не подходил.

- Который там сейчас час? - опомнилась Эмма.

- Здесь полшестого, плюс восемь. Полвторого, - вычислила Марго.

- Гоша! Гошенька! - заорала Эмка. - Это я! Эмма! Да, из Нью-Йорка! Я все отменяю! Я наш развод отменяю! Это глупость была. Прости меня! Я тебя люблю! Ты что, совсем пьяный? И я! И я тоже! Я скоро приеду! Ты только люби меня, Гоша! И не пей! Я хочу сказать - много не пей!

- Мне полчаса надо, чтоб собраться. Нет, сорок пять минут. Я такси на шесть пятнадцать заказываю, - и Марго взяла трубку из Эмминых рук.

- Слушай, а зачем такая спешка? Что, правда, так срочно?

- Срочнее некуда.

В дверях стоял Шарик, которому по старческому делу сильно приспичило. Стоял и ждал и улыбался, вывалив умильно язык. До прихода такси надо было этого старого дурака вывести...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://ulitskaya1udmila.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!